

О ГРИМАЛЬСКОМ Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГРИМАЛЬСКИЙ Николай. Священник, служил в церкви села Капитоновка Шевченковского округа. 24 мая 1929 — арестован, 19 августа приговорен к 3 годам ИТЛ, 23 ноября срок приговора увеличен до 10 лет. Отправлен в лагерь в Кемь, осень 1930 — переведен в лагерь на станции Средне-Белая Уссурийской железной дороги, работал в совхозе ОГПУ.

В октябре 1932 — его жена, Вера Гримальская, обратилась за помощью к Е. П. Пешковой, ее прошение с зачеркнутым обращением было направлено в ОГПУ.

<18 октября 1932>

«В ОГПУ

Умоляю Вас, меня выслушать, т<о> е<сть> прочитайте мое прошение. В смертельном отчаянии я решаюсь обратиться к Вам не как жена преступника к Начальству, а как глубоко несчастная, страдающая женщина. Если я не сумею написать так, чтобы Вы поверили мне, что я пишу только правду, и если Вы не поможете мне, мне остается только умереть.

24 мая 1929 года арестован муж мой — бывший священник Николай Гримальский. Шевченковским Окр<ужным> судом 19 августа 1929 года приговорен к 3-х летнему заключению по обвинению в произнесении контрреволюционных поучений и агитации против организации СОЗа.

Вследствие кассационного протеста прокурора при пересмотре дела при изменившихся показаниях свидетелей 23 ноября 1929 года кара увеличена до 10 лет с высылкой на 5 лет за месть шевченковщикам. Муж мой невиновен. Осужден он благодаря неправдивым показаниям свидетелей обвинения, которые из личных счетов были заинтересованы в том, чтобы удалить моего мужа из села. Некоторые свидетели были не куплены, свидетели запуганы, ни разу не запрошены ни на следствии, ни на суде. Ни один из двадцати обвиняемых, привлеченных к ответственности вместе с моим мужем, не указал на мужа, как на соучастника преступления. Все виновники беспорядка давно отбыли свое наказание и находятся на свободе. Когда они были в Допре до суда, то брат главного обвинителя Борис Самоненко (бандит, присужденный к высшей мере соцзащиты) уговаривал обвиняемых на суде свалить всю вину на моего мужа и таким образом оправдать себя. Никогда мой муж не произносил никаких контрреволюционных поучений, что могут подтвердить сотни свидетелей. В отношении к Власти муж всегда вел себя очень корректно, и все распоряжения Власти исполнял точно и добросовестно. Что же касается агитации против организации СОЗа, то во время, когда такая велась на селе, муж мой переживал страшное личное горе (самоубийство сына) и даже не знал, что делается на селе. В доказательство невинности моего мужа я готова отдать свою жизнь, так если Вы на этом условии поверите в его невинность, я не покончу с собой.

Я позволю себе привести историю моего сына. Красивый, умный и очень способный юноша не имел возможность получить высшее образование (хотя блестяще первым сдал вступительный в ВУЗ экзамен), стал работать на клочке отцовской земли. Землю сняли, как церковную, хотя имеются все документы, что она собственная (купчая крепость, план). Поступил служить в агрошколу, в которой окончил курс, сняли по доносу, что он лишен права голоса. Права голоса лишили исключительно из личных счетов с мужем. В течение 2-х лет бедный сын умолял дать ему

возможность работать, т<о> е<сть> вернуть право голоса. Отказывали. Чего только не перепробовал: ходил на поденную, чистил навоз, ухаживал за окатом. Наконец подал прошение Всеукраинскому старосте т<оварищу> Петровскому о возвращении ему права голоса. Время шло, и ответа не было. И несчастный сын застрелился, оставив записку: "Бесправный безработный, принуждают меня"... Но неправым и безработным сделали сына не Закон и не Власть, а кучка тех самых людей, что впоследствии оклеветали мужа. Голова ЦИК Украины т<оварищ> Покровский право голоса нашему сыну возвратил, но об этом ему не было сообщено. Только когда мы похоронили нашего несчастного сына, мужу объявлено было: "Вашему сыну голос возвращен". Муж мой не виноват в том, в чем его обвинили. Действительная вина моего мужа перед Властью в том, что он во время не осознал, что церковь является тормозом на пути социалистического строительства Страны Советов, и не отказался от священства, а также и в том, что поглощенный личным горем не разобрался в том, что делалось в селе и не удержал некоторых сторонников от агитации против мероприятий Власть. Свою вину мой муж искупил трехлетним заключением в тяжелом труде в суровой местности на Северном побережье Тихого океана. Здоровье моего мужа подорвано навсегда. Благодаря климатическим условиям муж мой совершенно лишился зубов и потерял трудоспособность. Страдает пороком сердца, катаром горла, артериосклерозом в острой форме. Врачебной комиссией в Кемпи осенью 1930 года муж признан абсолютно нетрудоспособным.

Принимая во внимание, что муж мой отбыл уже третью часть наказания (3 года 5 месяцев<ев>), я прошу Вас исходатайствовать ему помилование. Я прошу Вас ходатайствовать об освобождении его из заключения и разрешить ему жить на Украине или в Европейской России. Жить моему мужу осталось недолго, умоляю, помогите ему остаток жизни провести на свободе в честном труде на пользу Советской Власть.

В настоящее время муж мой работает на ДВК в совхозе ОГПУ ст<анция> Средне-Белая Уссурийской ж<елезной> д<ороги>.

Сама я лично не могу ходатайствовать об освобождении мужа, т<ак> к<ак> не имею средств на поездку и, кроме того, я несчастная жалкая калека: совсем глухая и плохо вижу, т<ак> к<ак> выплакала свои глаза, оплакивая несчастного мужа и сына. Сжальтесь над нами, несчастными, и помогите нам. Пишу правду. Ответ прошу адресовать:

Украина, ст<анция> Капитоновка Ю<го>-З<ападной> ж<елезной> д<ороги>, село Капитоновка, Марфе Ивановне Бондаренко для Гримальской.

1932 г<ода>, 18 октября. Просит Вера Гримальская»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 814. С. 157-158. Автограф.